

Токмакова Мадина Хасанбиевна

РОЛЬ ЭМОТИВНОСТИ В РАЗВИТИИ ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ КАБАРДИНО-ЧЕРКЕССКОГО ЯЗЫКА

В статье исследуется эмотивная семантика кабардино-черкесского языка. Присутствие эмотивности в значениях слов может быть различным, в связи с чем автор определяет основные случаи ее проявления. Эмотивность не следует рассматривать только как речевой феномен, это достаточно определенная языковая единица, закрепленная в словаре.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2013/2/50.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2013. № 2 (20). С. 190-193. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2013/2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_phil@gramota.net

персонаж не задумывается над древним значением своих шуток, слов и поступков. В отличие от героев стихотворений «Голь зон» («Парень-бедняк») и «Грездса ныв карса баринлы» («Деревенская девушка городскому барину») [5] Тима и окружающие его люди не говорят от своего имени, т.к. их включенность в традицию имеет непосредственный, внелогический характер. И именно в этой ситуации «на помощь» автору приходит повествователь, хорошо знающий изображенных людей. Принцип многоголосия, используемый И. Куратовым внутри монолога основного субъекта речи, оказывается средством изображения не только центрального персонажа стихотворения, но и его статуса в деревне. Его оценочные суждения не противостоят оценкам, данным Тиме другими героями (или даже совпадают с ними). Повествователь является частью крестьянского общества, и его голос – это один из голосов в многоголосии, в «народном хоре». Таким образом, герой оценивается не только повествователем, но и крестьянской средой.

Список литературы

1. **Корман Б. О.** Поэтическое многоголосие // Лирика Некрасова. Ижевск, 1978. С. 155-187.
2. **Лимерова В. А.** Над чем смеется зритель в комедиях Нёбдинса Виттора? // III Савинские чтения: материалы республиканской научно-практической конференции (Сыктывкар, 20-21 ноября 2003 г.). Сыктывкар, 2005. С. 25-33.
3. **Пропп В. Я.** О тех, кто смеется и кто не смеется // Проблемы комизма и смеха. СПб., 1997. С. 27-35.
4. **Сидоров А. С.** Тодлыгём коми гижысь И. А. Куратов (Неизвестный коми поэт И. А. Куратов) // Парма ёль (Лесной ручей). 1923. № 1-2. С. 18-20.
5. **Сурнина Л. Е.** Аспекты народного характера в стихотворениях И. А. Куратова «Голь зон» («Парень-бедняк») и «Грездса ныв карса баринлы» («Деревенская девушка городскому барину») // Финно-угроведение. № 2. 2012. С. 59-68.
6. **Фрейденберг О. М.** Земледельческие обряды смеха // Поэтика сюжета и жанра. М., 1997. С. 102-105.

**IMAGE OF HERO AND FIGURATIVENESS
IN POEM BY I. A. KURATOV “ТИМА, ДЕРТ НИН, ПЁРЫСЬ” (“ТИМА IS CERTAINLY OLD)**

Lidiya Egorovna Surnina
Sector of Literary Criticism

Institute of Language, Literature and History of Komi Scientific Centre of Ural Department of Russian Academy of Sciences
surninalida@mail.ru

The author presents the results of literary analysis of the poem by I. A. Kuratov “Тима, дерт нин, пёрысь” (“Tima is certainly old”), pays special attention to the analysis of hero’s image, whose behaviour is determined by the archaic meaning of laughter and profanity, their resurrection and regenerating force, and concludes that the principle of polyphony used by Komi poet inside the main monologue of the speech subject is the means of the representation of central character and his status in village group.

Key words and phrases: hero’s image; joker; ritual function of laughter; poetic polyphony.

УДК 81(470.64)

Филологические науки

В статье исследуется эмотивная семантика кабардино-черкесского языка. Присутствие эмотивности в значениях слов может быть различным, в связи с чем автор определяет основные случаи ее проявления. Эмотивность не следует рассматривать только как речевой феномен, это достаточно определенная языковая единица, закреплённая в словаре.

Ключевые слова и фразы: эмотивность; дополнительное эмотивное значение; зоонимы; деривационные образования; денотативный макрокомпонент; аффективы; синонимические пары; фразеологизмы; лексико-семантическая система кабардино-черкесского языка.

Мадина Хасанбиевна Токмакова, к. филол. н., доцент
Сектор кабардино-черкесского языка
Кабардино-Балкарский институт гуманитарных исследований
tokmak_madina_h@mail.ru

**РОЛЬ ЭМОТИВНОСТИ В РАЗВИТИИ ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ
КАБАРДИНО-ЧЕРКЕССКОГО ЯЗЫКА[©]**

Взаимодействие эмотивной семантики с самой подвижной, неустойчивой сферой психики человека – с эмоциями – объясняет определенные трудности, возникающие при ее исследовании. Предельного числа эмоций не установлено, соответственно, и разновидности эмотивных значений также до конца не определены. Сам факт существования эмотивного значения в языке признают не все лингвисты. Изучение данного вопроса включает ряд проблем, одной из которых является степень присутствия эмотивности в значениях слов. По определению В. И. Шаховского, известного специалиста по проблемам эмотивной лексики,

эмотивное значение – это облигаторное семантическое содержание, полностью совпадающее с лексическим значением слова и служащее только для выражения эмоционального состояния/отношения (без его называния в слове) к миру [15, с. 26].

Исходя из этой формулировки, можно утверждать, что слов с эмотивным значением в кабардино-черкесском языке множество, например: *цысхьын* (жалеть, шадить кого-что-л.), *къэзугфIэн* (обрадоваться), *ирибжьыфIэн* (гордиться кем-чем-либо), *къыцитхьын* (не сдержавшись, рассмеяться), *(и) гу зэфIэнэн* (растроиться, приуныть), *гуIэн* (скорбеть, печалиться, горевать, переживать), *зэхуфа* (хмурый), *зэгуэдын* (злиться на кого-что-либо), *губжьын* (злиться), *къытелIэн* (умирать, страдать по кому-либо (от любви)), *зэшын* (скучать, тосковать по кому-чему-либо), *укIытэн* (стыдиться), *ефыгьуэн* (завидовать кому-либо черной завистью) и т.д. Как демонстрируют приведенные примеры, одни слова называют эмоции, другие – их выражают [12].

Присутствие эмотивности в значении слова может быть различным: от дополнительного к основному логико-предметному до самостоятельного. Сопутствующий логико-предметному эмотивный компонент наблюдается, в первую очередь, в метафорических наименованиях, образующих новые значения полисемантических слов. Таких слов в кабардино-черкесском языке немало: *хэбырышыбыр* – 1) «тряпье, барахло», 2) «мерзавец, подлец»; *зыкIыжын* – 1) «зарезаться, застрелиться», 2) «измучиться, истерзаться», 3) «возмущаться, негодовать»; *щIыIэу* – 1) «холодно», 2) «недружелюбно, неприязненно»; *зыкьызэцIэцIэн* – 1) «испортиться (о погоде)», 2) «обидеться, надуться»; *дыггэ* – 1) «Солнце», 2) «солнце, свет, тепло», 3) «солнце (ласковое обращение к любимому человеку)»; *зэгуэдын* – 1) «расколоться, разбиться», 2) «лопнуть», 3) «иметь большое желание, рваться сделать что-либо», 4) «злиться на кого-что-либо, лопаться от злости», 5) «пасть, подохнуть от вздутия живота (о животных)»; *уцэрэфын* – 1) «подняться (о тесте)», 2) «нахмуриться, насупиться»; *зыкэцIэцIэшын* – 1) «кривляться», 2) «рассердиться, разозлиться» и т.д.

Эмотивные компоненты присутствуют также во всех зоонимах, которые в зависимости от ситуации носят положительную или отрицательную окраску. Одни из них используются при брани, ругани, чтобы подчеркнуть какие-то отрицательные качества в человеке. Так, *шыд* (осел) употребляют, чтобы отметить негодливость, непонимание кем-либо чего-либо или просто упрямство; «моська» – чтобы отметить пронырливость кого-либо. Другие единицы – для выражения расположения, любви: *си бабыц цIыкIу* – «мой утенок», *джэду шыр цIыкIу* – «котенок» и т.д. В подобных случаях вместе с зоонимами обычно используются слова: *шыр* (детеныш), *цIыкIу* (маленький).

Упомянутые выше примеры часто используются в кабардинской устной речи для выражения эмоций, и этот факт не отражен в словарях. В то же время существует группа слов-зоонимов, эмотивные компоненты значений которых закреплены в словаре [10]: *хьэжь* – 1) «старая собака», 2) «огромная собака», 3) «хапуга, стяжатель»; *хьэхэбасэ* – 1) «бродячая собака», 2) «бродяга»; *хьэцхьэвыльгэ* – 1) «мифическое существо с собачьей головой, человеческим туловищем и бычьими ногами», 2) «кровожадный, безжалостный человек»; *хьэцхьэрыIуэ* – 1) «бешеная собака», 2) «бешеный, неистовый, горячий»; *хьеуан* – 1) «скот, скотина», 2) «скотина (о человеке)»; *благьуэ* – 1) «дракон», 2) «злой, жестокий человек»; *мацIэ* – 1) «саранча», 2) «огромное количество чего-либо» и т.д.

В выражении дополнительного эмотивного значения могут участвовать различные деривационные образования. К примеру, суффиксы *-жь*, *-шхуэ*, *-цэ*, присоединяясь к семантически нейтральным словам, могут выражать положительные или отрицательные эмоции: *Ар физ гьур кIыхьыжьшт, дэКейш, дэКейш, дэКейри и цхьэкIэр кьыгьэшыжауэ* [9, с. 195] (Она была худая длиннющая женщина, которая росла, росла и так выросла, что макушка ее изогнулась) (*здесь и далее все переводы художественных текстов наши – М. Т.*); *Арац, си шьпхьушхуэ Хьалидэ. УкьэзгьацIэ уи мыгуггэ* [4, с. 127] (Вот так, моя сестрица Халида. Не думай, что я тебя обманываю); *Ан-на, мыр уэра зыцIар? Сыту дахацэ, ярэби!* [Там же, с. 110] (О, неужели это ты сделала? До чего же красиво, бог ты мой!) и т.д. [14].

В случаях когда эмотивность представлена в денотативном макрокомпоненте и составляет все содержание семантики слова, можно говорить об эмотивном значении, например: *Дэнэ цыIэ а бзаджэнаджэр?* – *жиIэри Кьылышбийр пэшышхуэм къыцIэхутац, дунейр икьутэжын хуэдэу* [7, с. 115] (Где этот негодяй? – спросил Калишбиев, заходя в большую комнату так, как будто весь мир готов разрушить); *Сыт абы кьывыр?* – *жиIэри афицарым зыкьыгьэзац* [Там же, с. 103] (Что он мелет? – спросил офицер, поворачиваясь); *Аслэнокуэм зышхьыжьыжу Пцацэ цIыкIум цхьэцоувэ...* [16, с. 128] (Разъяренный Асланоко становится над девушкой); *АрицхьэкIэ гьуэгур узижэгуэм и махуэу хьэлэчт* [5, с. 483] (Однако дорога до ужаса была отвратительной).

*Кьэхуакгэ куэдрэ, сыгубжьами,
Си нитIым мафIэ къыщыцIых,
Нэм шмылгагьур Iэульгауэм, -
Кьэхуац тхэКIумэм цызэхих* [6, с. 7]
(Случалось часто, разозлившись,
Глаза мои горели ненавистью,
И то, что они не видели шум,
Случалось уши слышали).
*Цыхухэр нэцхьейуэ зопльыжыр,
И бынхэр хьэлэу мэцатэ* [8, с. 84]
(Люди печально глядят друг на друга,
Дети их тяжело вздыхают).

Эмоциональным значением обладают и аффективы, например: *Гъунэгъу фызым: Еуей мыгъуэ! Маршы-нэм лы цуклац* [3, с. 141] (Соседка: О, боже! Мужчину машина задавила); *А-ды-дыд. Дызэрыфлагъэжыну сэр кыхъац* [2, с. 490] (Ой-ой-ой. Он принес нож, которым нас зарежет); *Уа-а! Таша къэкъуэжац!* [5, с. 556] (Ой! Таша вернулась!); *Уа, ар сьт тхылъ емынэ!* [Там же, с. 613] (Ой, это что за книга такая хорошая!); *Тобэ, тобэ, тобэ. Насын заццэу алыхъым къыуштыжэ* [7, с. 131] (Боже, боже, боже. Пусть большим счастьем тебе бог вернет (все это)); *Алыхъ-алыхъ-алыхъ! – жицэрт Нанэ, – си фцэц хъуркъым Дисэ и хъыджэбз цыкълур* *Иццэмыукцэну* [Там же, с. 135]; (Господи! – говорила Нана, – не уверена я в том, что Диса свою девочку в запале не убьет) и т.д. [11].

Эмотивы могут образовывать синонимические пары со словами, в значении которых отсутствует эмотивный компонент, например: *къэкцэун* (прийти) – *къэджэдэн* (притащиться, прибрести), *псэлъэррей* (разговорчивый) – *къэвэррей* (болтун), *лей* (плохой) – *хъэбыршыбыр* (мерзавец, подлец), *луплъэгъуей* (непривлекательный, неприятный на вид) – *ажалыфэ* (похожий на смерть), *пшэр* (полный) – *зыхэбэгъэжа* (опухший), *бэвыжэ* (дородный). Подобные пары слов образуют фазовые синонимичные отношения [13].

Много эмотивов образуется в случаях вступления слов, нейтральных в плане эмотивности, во фразеологические отношения: *хъэламэ* (хатлама (вареная лепешка из кукурузной или просяной муки)) – *хъэламэ (гъэва)*: 1) «ни черта», 2) «черта с два»; *хъэпцэцкэ* (червивая рана у животных) – *хъэпцэцкэ хъун* (беспокоиться, тревожиться о ком-либо); *цы* (шерсть; волос) – *и цыр тхъун* (сильно переживать), *и цыр уэн* (упасть духом), *цыр хуэцын* (показать, где раки зимуют кому-либо); *шейтлануз* (сумашествие, безумие) – *шейтлануз хъун (ефыкын)* (сильно беспокоиться о ком-чем-либо, сходиться от чего-либо с ума); *джэдыгу* (шуба) – *джэдыгу плагъ* (жалкий, невзрачный (о человеке)) и т.д.

Конечно же, в речи любое слово, произнесенное эмоционально, может показаться эмотивом, но это далеко не так. Эмотивность, как мы могли убедиться на примерах, закреплена в семантике слов в той или иной степени. Естественно, что каждый индивид для выражения своих эмоций выбирает те или иные средства языка, к примеру: аффективы (*Ана, балигъ бгъэхъуркъэ, лы ептынуми?* [7, с. 138] (Неужели ты не можешь подождать, пока она повзрослеет, прежде чем выдавать ее замуж)), отдельные значимые слова (*Дисэ: Пэжым ухуеймэ, тцэку сышынат, ауэ гу зылъезмыгъатэу арат* [1, с. 86] (Диса: По правде сказать, я немного испугалась, хотя виду не подала)), связанные выражения (*Гъуэгу мыгъуэ ежсам и жъэпкъыр зэрыццэсысэр, и нэ гъурьр къытыхуауэ, и нитыр псывэ ццэка хуэдэу къызэрылыдыкыыр псоми ялгагъу* [7, с. 155] (Все видят, как дрожит подбородок проклятого, как он свой худой нос повесил, а глаза блестят, как будто кипятили в них залили)) или целые синтаксические конструкции (*Уэлэхы акылыр цагушым дурэшым удэсам уэ* [1, с. 78] (Ей-богу, ты в углу сидел, когда ум раздавали)). В то же время эмотивное значение не является отражением эмоций только данного говорящего. Оно представляет собой обобщенное отражение социальной эмоции и соотносимо с адекватными эмоциями любого носителя данного языка. «В стандартных эмоциональных ситуациях люди испытывают и выражают принципиально одинаковые эмоции» [15, с. 62].

Все вышесказанное подводит нас к мысли, что эмотивность является не только фактом речи, но и закреплённой в семантике языковой единицей. В качестве составляющего компонента эмотивность может присутствовать в значениях слов либо развиваться отдельно от логико-предметной семантики слов. Так или иначе, эмотивность активно участвует в создании внутренней оболочки слов, влияя на развитие всей лексико-семантической системы кабардино-черкесского языка.

Список литературы

1. Къышккъуэ Алим. Альхъо // Тхыгъэхэр томихым шызэхуэхъэсауэ. Налшык, 2007. Т. 6. Н. 52-98.
2. Къышккъуэ Алим. Бабышккъуэ адакъэпц // Тхыгъэхэр томихым шызэхуэхъэсауэ. Налшык, 2006. Т. 5. Н. 474-494.
3. Къышккъуэ Алим. Гъуэгуанэ // Тхыгъэхэр томихым шызэхуэхъэсауэ. Налшык, 2007. Т. 6. Н. 98-144.
4. Къышккъуэ Алим. Лъапсэ // Тхыгъэхэр томихым шызэхуэхъэсауэ. Налшык, 2006. Т. 5. Н. 3-370.
5. Къышккъуэ Алим. Мазэ ныккъуэ щхъуантцэ // Тхыгъэхэр томиллым шызэхуэхъэсауэ. Налшык, 1984. Т. 2. Н. 7-498.
6. Къышккъуэ Алим. Си нит // Вагъуэ махуэ. Налшык, 1980. 112 н.
7. Къышккъуэ Алим. Хъуэпсэгъуэ нур // Тхыгъэхэр томиллым шызэхуэхъэсауэ. Налшык, 1984. Т. 1. 600 н.
8. Къышккъуэ Алим. Щыцэ а махуэр // Шум и гъуэгу. Налшык, 1946. 196 н.
9. Нало Заур. Къру заккъуэ. Новеллэхэр. Налшык, 1981. 400 н.
10. Словарь кабардино-черкесского языка. М.: Дигора, 1999. 860 с.
11. Токмакова М. Х. Некоторые вопросы эмотивной лексики в кабардино-черкесском языке // Вестник ПГЛУ. Пятигорск. 2008. № 4. С. 13-16.
12. Токмакова М. Х. Проблемы эмотивной лексики кабардино-черкесского языка // Вестник КГУ. Кострома, 2009. № 4. С. 195-200.
13. Токмакова М. Х. Типы семантических связей в полевых структурах эмотивной лексики кабардино-черкесского языка // Языковая ситуация в многоязычной поликультурной среде и проблемы сохранения и развития языков и литератур народов Северного Кавказа: материалы всероссийской научной конференции. Карачаевск, 2011. С. 251-254.
14. Токмакова М. Х. Участие суффикса –жъ в образовании эмотивных слов кабардино-черкесского языка // Актуальные проблемы общей и адыгской филологии: материалы VII международной научной конференции. Майкоп, 2010. С. 155-157.
15. Шаховский В. И. Категория эмоций в лексико-семантической системе языка. Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1987. 192 с.
16. Щоджэццыкълу Алий. Поэмэхэр: роман. Налшык, 1980. 128 н.

EMOTIVENESS ROLE IN THE DEVELOPMENT OF LEXICAL-SEMANTIC SYSTEM OF KABARDINO-CIRCASSIAN LANGUAGE

Madina Khasanbievna Tokmakova, Ph. D. in Philology, Associate Professor
Sector of Kabardino-Circassian Language
Kabardino-Balkaria Institute of Classical Researches
tokmak_madina_h@mail.ru

The author researches the emotive semantics of the Kabardino-Circassian language, basing on the fact that the presence of emotiveness in words meaning may be different, determines the main cases of its manifestation, and comes to the conclusion that emotiveness should not be considered only as speech phenomenon, it is a quite certain linguistic unit, consolidated in the dictionary.

Key words and phrases: emotiveness; additional emotive meaning; zoonyms; derivational formations; denotative macrocomponent; affectives; synonymous pairs; phraseological units; lexical-semantic system of Kabardino-Circassian language.

УДК 377.1

Педагогические науки

Статья посвящена формированию профессиональной компетенции на занятиях по иностранным языкам. Предпринята попытка проанализировать особенности обучения студентов неязыковых специальностей профессиональной речи и терминологии, а также возникающие в связи с этим проблемы и возможные пути их решения. Особое внимание уделяется применению терминологических словарей.

Ключевые слова и фразы: профессиональная компетенция; профессиональный подъязык; терминология; учебный терминологический словарь; освоение терминосистемы.

Марина Владимировна Троссель, к. филол. н.

Кафедра делового иностранного языка
Сибирский федеральный университет
marinatrossel@gmail.com

ТЕРМИНОЛОГИЧНОСТЬ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ РЕЧИ: ПРОБЛЕМЫ ОБУЧЕНИЯ[©]

Исследование выполнено при финансовой поддержке Министерства образования и науки Российской Федерации в рамках ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009-2013 годы (тема: «Профессиональный иностранный язык в формировании универсальной компетентностной модели выпускника технического вуза»; Государственное соглашение: 14.В37.21.2129).

На сегодняшний день владение иностранным языком является обязательным компонентом профессиональной подготовки в высших профессиональных заведениях Российской Федерации. Целью обучения является приобретение коммуникативной компетенции, достаточной для практического использования иностранного языка как в бытовой, так и профессиональной деятельности. Однако, несмотря на то, что цель очевидна, существует немало проблем в формировании иноязычной профессиональной компетенции будущих выпускников. Одной из основных сложностей является недостаточный уровень владения иностранным языком у доминирующего числа выпускников школ, поступающих на неязыковые факультеты. В связи с этим, как правило, значительное время на первом курсе отводится так называемым вводно-коррективным курсам, основная задача которых – восполнить недостающую, а нередко и отсутствующую фонетическую, грамматическую, лексическую базу студентов. Согласно требованиям ФГОС ВПО, иностранный язык преподается на протяжении первых двух курсов. Соответственно, на профессиональную составляющую остается недостаточно времени. Нельзя также обойти стороной и недостаточно разработанную методику преподавания языка для специальных целей, а также не всегда должного уровня подготовку преподавателя профессионального иностранного языка. Упомянув последнее, мы несколько не умаляем общеязыковые компетенции преподавателей. В данной ситуации от преподавателя требуется не только знание общего языка, но также специального преподаваемого подъязыка, его структуры и стратификационного состава.

Исходя из последней сложности, данная статья представляет собой попытку рассмотрения вопроса обучения профессиональной речи, ее терминологичности, а также возникающих проблем и способов их решения.